

ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ «РУССКОЙ МЕЧТЫ»¹

Чаще всего в обыденной трактовке под «мечтой» понимается заветное желание, исполнение которого сулит счастье. Но вряд ли стоило бы, только исходя из данной трактовки «мечты», затрачивать немалые усилия для ее научного изучения. Суть явления мечты состоит в том, что это есть не что иное, как особая форма воображения, мысленное создание образа желаемого, причем направленного в будущее. Вместе с тем, мечта – это еще и положительно окрашенная мотивационная установка, это ярко выраженная побудительная сила и необходимое условие преобразования действительности.

При таком понимании, при такой трактовке «мечты» ее целенаправленное изучение, и прежде всего социологическими методами, становится не только оправданным, но и необходимым. Вот почему Институт социологии РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф. Эберта в РФ в марте–апреле 2012 г. провел общероссийское социологическое исследование, определив его основную тему так: «Русская мечта: какая она и может ли осуществиться?»²

Методическая основа исследования – массовый социологический опрос населения Российской Федерации по репрезентативной общенациональной выборке. При этом объем выборочной совокупности исследования составил 1750 респондентов, репрезентирующей взрослое население страны в возрасте 16–55 лет³, в разбивке по следующим четырем возрастным когортам: 16–25 лет, 26–35 лет, 36–45 лет, 46–56 лет.

Репрезентативность социологической информации обеспечивалась использованием модели многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения (респондентов) на последней ступени. Районирование осуществлялось по территориально-экономическим районам РФ (*первая ступень* выборки) в соответствии с принципами, разработанными и применяемыми Росстатом для

¹ См.: Соис. 2012. № 12. С. 3–11.

² При разработке программы исследования, анализе и интерпретации результатов понятия «русская мечта» и «российская мечта» использовались как синонимы.

³ Эта возрастная группа населения составляет 60,8 % от общей численности населения РФ. Российский статистический ежегодник. М. : Росстат, 2011. С. 77.

контроля социально-экономических показателей развития страны. *Вторая ступень* выборки включала выделение типичных субъектов РФ (всего 20), а также два мегаполиса в составе каждого территориально-экономического района (согласно районированию Росстата). *Структура районирования* – два мегаполиса (Москва и Санкт-Петербург) и 20 субъектов РФ, итого – 22 объекта. *Третья ступень* выборки: внутри субъектов РФ дальнейшее районирование заключалось в расчете статистических квот по степени урбанизированности по 5-ти типам поселений: мегаполисы – 10,7 %, административные центры субъектов РФ – 25,9 %, административные центры районов – 30,9 %, поселки городского типа (ПГТ) – 5,6 %, села – 26,9 %¹. На *четвертой ступени* выборки, т. е. при непосредственном отборе интервьюерами респондентов для опроса по заданным квотам, соблюдались квоты по социально-профессиональным признакам респондентов и возрастные пропорции по четырем, приведенным ранее, возрастным когортам².

Каковы же основные выводы, вытекающие из анализа результатов проведенного исследования?

Вывод первый. Российские граждане в подавляющей своей массе – люди, склонные «помечтать»: три четверти из них считают, что мечтать обязательно нужно и жить без мечты не интересно. Поэтому вполне закономерно, что у подавляющего большинства россиян есть своя мечта (90 %). О чем же в основном мечтают россияне? В первую очередь о том, чтобы жить в достатке, «не считая копейки» – 40 %, о хорошем здоровье (своем и близких) – 33 %. Следует особо выделить тот факт, что в главную тройку мечтаний наших сограждан входит их стремление жить в справедливом и разумно устроенном обществе (33 %), где добродетель и труд вознаграждаются, а доходы людей обусловлены их трудом и квалификацией, где все имеют одинаковые шансы реализовать свои способности и равны перед законом.

¹ Расчеты произведены по данным источника: Численность населения РФ по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2011 г. Статистический бюллетень. М. : Росстат, 2011. С. 19.

² Модель выборочной совокупности разработана канд. филос. наук Шереги Ф. Э. Разработка программы, инструментария исследования и его проведение осуществлены рабочей группой ИС РАН в составе: Горшков М. К., Тихонова Н. Е. Члены рабочей группы: Андреев А. Л., Аникин В. Д., Вызов Л. Г., Лежнина Ю. П., Мареева С. В., Мчедлова М. М., Петухов В. В., Бараш Р. Э., Тюрина И. О. Научный консультант – глава представительства Фонда им. Ф. Эберта в РФ доктор Р. Крумм.

Только вслед за этими главными мечтами значатся такие: хорошие дети (23 %); своя отдельная квартира (21 %); хорошая семья и интересная жизнь, самореализация (по 17–18 %). Далее следуют мечты о собственном доме (15 %); хорошем образовании (12 %); возможности «быть полезным обществу, внести «свою лепту» в развитие России» (11 %); хорошей работе (7 %). На последних местах находятся мечты «встретить настоящую любовь» (6 %); стать уважаемым и известным человеком (4 %); стать очень красивым, привлекательным (1 %). Как видно, несмотря на агрессивную рекламу атрибутов «дорогого» образа жизни, ни богатство, ни широкая слава, ни человеческая красота в предмет индивидуальных мечтаний подавляющего большинства россиян не входят. Это сильно отличает нашу страну, например, от США, где культ изящного тела, как и народной популярности («звездности») возведен буквально в ранг национальной религии.

Отсутствие мечты у конкретного человека, как правило, тревожный признак, свидетельствующий о его низком материальном благополучии, социальном и профессиональном статусе. Напротив, наличие мечты в наибольшей степени характерно для средних и благополучных слоев общества, а также россиян, занятых нефизическим трудом и характеризующихся ярко выраженным «активизмом». Обычно отсутствие мечты ведет и к отсутствию жизненной цели. Однако в тех случаях, когда при отсутствии мечты цель все же есть, россияне зачастую лишены энергии ее достижения и оптимизма в отношении возможности воплощения.

Анализ полученных данных показал: в России широко распространены умонастроения «социального анархизма» (48 %). В основном они характеризуются желанием «жить, как хочется». При этом вероятность встретить «социального анархиста» приблизительно одинакова в разных социальных группах. Как ни парадоксально, умонастроения «социального анархизма» уживаются в России с нормой, согласно которой жить стоит только ради какой-то большой, общественно значимой цели. Подобная норма, занимая доминирующее положение в нормативной системе россиян, в более скромном масштабе отражается в их мечтах и еще скромнее представлена на уровне текущих запросов и потребностей. О чем это свидетельствует? Скорее о постепенной утрате населением России не только пассионарности, но и отчасти своей цивилизационной специфики, которая пока еще сохраняется на уровне исторической памяти, архетипов, идеалов и нор-

мативно-ценностной системы в целом. Излишне драматизировать эту ситуацию не стоит. Общество, большинство членов которого на уровне повседневной жизни руководствовались бы, прежде всего, абстрактными идеалами, а не своими текущими потребностями и интересами, не только никогда не существовало, но и в принципе невозможно. Вместе с тем, недооценивать вектор отмеченной тенденции тоже неправильно. За годы реформ наши сограждане настолько погрузились в свои проблемы, а государство настолько самоустранилось из сферы целеполагания развития нации, что россияне постепенно стали утрачивать характерную для них ранее энергетику «большой цели». А ведь она позволяла им неоднократно совершать, казалось бы, невозможное – достаточно вспомнить индустриализацию страны, восстановление экономики после Великой Отечественной войны, освоение целинных земель, прорыв в космос и многое другое, чем до сих пор справедливо гордятся россияне.

Вывод второй. Поскольку коллективные архетипы наиболее отчетливо и выразительно представлены в фольклоре, в программу проведенного исследования был включен анализ отношения россиян к широко известным сказочным образам. На первом месте оказался классический архетип Золушки: в нем образ русской мечты увидели без малого 40 % опрошенных. Интересно заметить, что отношение к «Золушке» имеет ярко выраженный гендерный «перекос»: она увлекает до 60 % женщин и лишь 16 % мужчин. Для представителей сильного пола оказалась ближе следующая за «Золушкой» по уровню популярности сказка «По щучьему велению», в которой смысловой акцент сделан на мотиве случайного везения, никак не обусловленного усилиями и заслугами главного героя – «дурака» Емели. В сказочной ситуации «свалившейся с неба» удачи усматривает русскую мечту примерно четверть респондентов. Приблизительно пятая часть (чаще мужчины) связывает «русскую мечту» с представлением о грозной, но справедливой силе, защищающей слабых (образы сказочных русских богатырей). Присутствует в суждениях и мотив ничем не ограничиваемого материального изобилия в архаически крестьянской его интерпретации – сказка о «молочных реках, кисельных берегах». Данный образ ассоциируется с национальной мечтой россиян у каждого шестого из опрошенных.

Немаловажен вопрос о том, как связана «русская мечта» с образами российской истории? Проведенное исследование дает основа-

ние утверждать, что половина россиян в возрасте до 55 лет убеждены в том, что все события отечественной истории происходили *«не просто так»*, и их следует рассматривать как служение России всему человечеству. Другая половина с подобным утверждением не согласна. Причем эта пропорция 50 на 50 с минимальными отклонениями (не более 1–2 %) воспроизводится во всех основных социально-демографических группах.

Вместе с тем, россияне отнюдь не склонны искать свои идеалы только в прошлом. Так дореволюционная Российская империя кажется воплощением «русской мечты» лишь одному опрошенному из девяти, а революционная Россия первых лет – только каждому двадцатому. Судя по полученным данным, постепенно ослабевает еще недавно сравнительно сильная эмоциональная связь россиян с эпохой Л. И. Брежнева. Сегодня признать «развитой социализм» воплощением «русской мечты» согласились только 14 % респондентов.

Обращает на себя внимание кардинальный сдвиг в балансе оценок прошлого и настоящего. Еще в 2000 г. только 6 % россиян считали, что самая хорошая жизнь началась в условиях рыночной экономики, а в 2012 г. уже почти треть наших сограждан присоединились к мнению о том, что «*русская мечта*» *наиболее полно воплотилась, в современный период истории России, а именно в «эпоху Путина»*.

Вывод третий. В силу того, что принцип социальной справедливости занимает очень важное место в модели национальной культуры России, мечта о справедливом обществе выполняет для населения страны роль *консолидирующей идеи*. Смысловое наполнение идеи «справедливого общества» несколько различается в разных по мировоззрению группах россиян, но в целом можно говорить о том, что ключевыми его элементами, являются: а) равенство возможностей; б) активная роль государства в системе социальной защиты; в) дифференциация в доходах, отражающая уровень образования, квалификации и эффективности работы индивида, но не выходящая за разумные пределы. Такие представления характерны для большинства россиян вне зависимости от их собственного положения и динамики личного благополучия. И это свидетельствует о давно сформировавшейся в обществе и устойчивой во времени нормативно-ценностной системе.

Россияне проявляют *высокую степень толерантности к большинству социальных неравенств* (кроме неравенства в доступе к качественной медицине). Однако сложившаяся на данный момент си-

туация в России отнюдь не отвечает их представлениям о справедливости: неравенства в доходах представляются излишне высокими, а их правовые основания – нелегитимными. Отсюда понятно, почему эта проблема остро переживается. Россияне не видят шагов со стороны государства для смягчения данной ситуации, что приводит к росту недовольства и социальной напряженности в обществе и еще большим расхождением между представлениями об обществе, в котором они *хотели бы жить*, и тем реальным обществом, в котором они на данный момент *жить вынуждены*.

Вывод четвертый. В отношении представлений о будущем России, о том пути, по которому она должна идти, российское общество достаточно сильно сегментировано. На одном полюсе находятся *социал-консерваторы*, составляющие самую многочисленную группу, на другом – *либералы*, как правые (сторонники минимизации роли государства), так и левые (сторонники социал-демократии). Социал-консерваторы мечтают о традиционной России – могучем государстве; державе с твердой, жесткой властью, которая способна обеспечить социальную справедливость, идя при этом своим путем, а не следуя «в кильватере» Запада и западной цивилизации. В то же время, они мечтают о стабильном, спокойном развитии, а не о революциях и смутах. Либералы, напротив, ориентированы скорее на весьма ограниченную роль государства, снижение его влияния на бизнес и гражданские институты, формирование правового общества, в котором выше всего ценились бы демократические права и свободы личности.

При всех различиях, оба эти «полюса русской мечты» имеют много пересечений. В частности, нынешняя власть и тот курс, который с ней связан, воспринимается населением скорее позитивно (в большей степени государственниками, в меньшей степени – либералами). Кроме того либералы и социал-консерваторы не готовы поддерживать ни «чистый» рыночный капитализм, ни «чистый» плановый социализм – их скорее привлекает какой-либо вариант синтеза, который бы включал в себя и элементы рынка, и элементы социалистической экономики, обеспечивая преодоление в стране избыточных социальных неравенств.

Вывод пятый. В российской мечте отчетливо выражено представление о том, что есть общественное благо и какая должна быть модель демократии, чтобы его реализовать практически. Оно базируется на «социальной справедливости, равных правах для всех, на

сильном государстве, заботящемся о своих гражданах», а также на «правах человека, демократии, свободе самовыражения личности». В свою очередь, идеальную модель демократии большинство россиян связывает с «равенством всех граждан перед законом» и с «небольшой разницей в уровне доходов людей». Такие представления дают основания утверждать, что желаемая модель общественного устройства и его демократического обеспечения базируются в массовом сознании на двух опорах: *правовой защищенности граждан и социальной справедливости*.

У широких общественных слоев и политического класса существует разное понимание перспектив развития российской демократии. Правящая элита сводит демократию исключительно к сфере политики и выборным процедурам. А вот в представлении наших сограждан демократия – это, прежде всего, эффективно работающие институты, позитивная динамика уровня и качества жизни, социальная защищенность граждан, реальная борьба с коррупцией и т. п. В фиксации значимости социально-экономической компоненты демократии россияне отнюдь не одиноки. Исследования, проводимые во многих европейских странах, показывают высокий уровень корреляции между социальными завоеваниями трудящихся и «принятием» демократии обществом, прежде всего, в странах, где граждане на протяжении многих лет пользуются плодами социального государства (Голландия, Дания, Финляндия, Швейцария, Швеция). Это одна из причин, почему, несмотря на постоянную критику неоконсерваторов, в этих странах, а также в большинстве других государств Западной Европы, никто от социальных завоеваний 1960–1970-х гг. отказываться не спешит.

Исследование показало, что в обществе есть довольно большой слой людей (свыше 20 %), который понимает взаимосвязь экономических и политических прав, осознает, что именно уровень развития демократии в стране, в конечном счете, определяет возможность честно работать и зарабатывать. Из полученных данных отчетливо видно, что чем выше материальное положение и социальный статус граждан, тем сильнее запрос на политические права и свободы. И, соответственно, наоборот.

Выборные кампании 2011–2012 гг. не только пробудили протестное движение в России, но и обострили вопрос о ценностно-идейном единстве российского общества. Причем в настоящем ис-

следовании получила эмпирическое подтверждение гипотеза о наличии партии активистского меньшинства («партии Интернета») и традиционалистского большинства («партии телевидения»). Социальные сети интернета стали наиболее эффективным механизмом массовой мобилизации и реально действующим инструментом горизонтальных связей в социуме. Кроме того, получил подтверждение и тот факт, что пользователи Интернета в большей степени осведомлены о внутри- и внешнеполитической обстановке, мыслят критичнее, в большей степени склонны самостоятельно выбирать информационный продукт. При этом активные пользователи Интернета настроены либеральнее тех, кто пользуется им редко или не пользуется вовсе; они заметно чаще отдают предпочтение политическим правам и свободам и существенно реже ориентированы на материальное преуспевание.

Вывод шестой. Стремление к идеальной работе не относится к разряду главных жизненных ценностей россиян – устроиться на нее мечтают не более 7 %. Вместе с тем, в силу своей несомненной социальной значимости сфера профессионально-трудовой деятельности оказывается предметом мечтаний наших соотечественников. Применительно к работе можно говорить о существовании идеальной мечты, основанной на желании и отражающей эмоциональный образ, формируемый представлениями россиян о том, «как должно быть», и мечты земной, более приземленной, но и более конкретной.

Идеальные мечты о работе достаточно однозначны. Их отличительной чертой выступает акцент на содержании трудовой деятельности, в частности, ориентация на обретение интересной работы, способной увлечь человека, дающей шанс реализовать себя (58 %), иначе говоря, ориентация, доминирующая над установками на заработок (42 %). Как показало исследование, *несомненные лидеры профессиональных устремлений: промышленность, энергетика, транспорт и строительство (26 % опрошенных), отрасли социально-культурного комплекса (образование, наука, здравоохранение и культура – 25 %), а также финансово-кредитная, маркетинговая, консалтинговая и т. п. сферы деятельности, разделяющие третью – с государственным и муниципальным управлением – позицию (по 15 % соответственно).* Анализ профессиональных выборов и предпочтений россиян позволяет надеяться на постепенное сближение их представлений о том, где хотелось бы работать, со структурой потребностей национального рынка труда в работниках по отраслям экономики.

Реальное распределение по отраслям экономики, в которых россияне задействованы сегодня, таково: промышленность, энергетика, транспорт и строительство (29 %); отрасли социально-культурного комплекса (19 %); торговля, бытовое обслуживание, ЖКХ (14 %). Сравнение рейтинга областей деятельности, занятость в которых кажется нашим соотечественникам предпочтительной, с их реальной деятельностью говорит об определенной рассогласованности «того, что есть», и «того, к чему стремятся». Осознавая – рационально или интуитивно – ситуацию на отечественном рынке труда, чувствуя основные тенденции его развития, россияне выбирают (особенно для своих детей) те области профессиональной деятельности, занятость в которых будет востребована, привлекательна и престижна (не только в материальном, но и в статусном смысле) в долгосрочной перспективе. При этом не могут не настораживать отдельные тенденции их выбора. Например, отказ родителей рассматривать в качестве достойных их детей сфер приложения труда промышленность, энергетику, строительство и т. п. (16 %) в пользу чрезмерного увлечения работой в системе государственного и муниципального управления (24 %). Делая выбор в пользу тех или иных областей профессиональной деятельности, в которых они мечтают работать сами или хотят видеть занятыми своих детей, большинство россиян склонно (а точнее, вынуждено) ориентироваться на земные представления об идеальной работе и той сфере, в которой она могла бы осуществляться. Как следствие, во главу угла ставятся материальное благополучие, стабильность, жизненные удобства, а не профессиональная реализация или социально значимые характеристики выполняемой работы.

Вывод седьмой. Последние годы демонстрируют улучшения во многих аспектах бытовой жизни россиян: растет количество товаров длительного пользования в домохозяйствах, возрастают оценки, которые сами россияне дают отдельным аспектам своей жизни. Однако при этом рост благосостояния не приводит к качественным изменениям и появлению новых жизненных шансов. Кроме того, улучшение уровня жизни происходит в российском обществе неравномерно, и прежде всего, для тех, кто и так находится в более благоприятном положении, в то время как положение неблагополучных слоев консервируется и может даже ухудшаться. При этом стремление «жить не хуже других», выступающее одним из наиболее важных стремлений для всех россиян, независимо от их дохода и уровня жизни, приводит

к формированию запроса на жизнь в достатке, без необходимости «считать копейки», который и является наиболее распространенной мечтой на данный момент – мечтой, свойственной 40 % населения, независимо от уровня жизни, возраста, типа поселения.

Можно утверждать о том, что в России существует и активен процесс формирования общества потребления, хотя значительная доля малообеспеченных слоев населения не имеет возможности включиться в этот процесс. Реальные предпосылки формирования характерных для общества потребления практик в российском обществе различны. Это и последствия долго существовавшего в стране товарного дефицита; это и особая важность внешних признаков статуса (престижное потребление); это и тот факт, что возможности, связанные с собственным развитием и перемещением на более высокие статусные позиции, для многих россиян постепенно сокращаются. В этой связи инвестиции в себя и своих детей становятся нерентабельными и заменяются потреблением.

Вывод восьмой. В условиях возрастающей тревожности, а зачастую и враждебности внешней среды и отсутствия возможностей существенно влиять на возникающие ситуации в ней, россияне концентрируют свои усилия на создании комфортной микросреды обитания. При этом организация своего микромира не является для россиян мечтой как таковой. Это скорее своеобразная социальная программа в части создания семьи и круга общения, отражающая доминирующие в социуме нормы. Ядром микромира россиян в рамках этой «социальной программы» является семья, которая сохраняет традиционную форму: мужчина-добытчик и любящая женщина-хозяйка создают семью для рождения и воспитания детей. Векания современности здесь ощущаются лишь в количестве детей, которых в идеале должно быть двое. Несмотря на различные модификации практического воплощения этой нормы семейной жизни, ее не подрывает даже идущая плюрализация предпочтений по отношению к противоположному полу. Ведь представления об идеальном мужчине и идеальной женщине в российском обществе крайне разнообразны и не локализованы четко в тех или иных социальных группах.

Не менее глубинным и традиционным для российской культуры остается понимание россиянами дружбы как отношений помощи и взаимовыручки, которое, хотя и несколько размывается происходящими в современном мире процессами, остается важной частью рос-

сийского менталитета.

Таким образом, мечты россиян об идеальном для них микромире коренятся в глубинных пластах норм и ценностей российской культуры, хотя процессы социальной модернизации, с характерной для нее плюрализацией предпочтений в самых различных областях, оказывают на эти нормы и ценности свое воздействие, но не затрагивает их сколько-нибудь существенно. При этом активно процесс размывания этой пока еще достаточно монолитной системы норм и ценностей наиболее активно протекает в мегаполисах, где сложность и динамичность жизни стимулирует нарастание запроса на упрощение, облегчение и повышение комфортности межличностных отношений с одновременным снижением ответственности в них. В итоге семья, дети и друзья постепенно оттесняются в мечтах россиян на второй план. У одних это происходит потому, что для них это просто норма жизни, у других – потому, что это оказывается в их жизни уже далеко не главным. Причем подобные различия во многом зависят от места жительства россиян.

Вывод девятый. Около половины россиян полагают, что их мечты скорее осуществимы, чем неосуществимы. Учитывая характер мечтаний, это не удивительно. Большинство россиян, имеющих мечту, предпринимают для ее осуществления вполне рациональные попытки, хотя значительная часть уповает скорее на чудо (мечта сбудется «по божьему промыслу» или в силу простой удачи). Оценка возможностей реализации большинства мечтаний напрямую зависит от места респондентов в социальной структуре общества. Наименее благополучная и низкоресурсная часть населения страны (а это – большинство), заведомо не имеет, по крайней мере, в собственном восприятии шансов на реализацию многих своих мечтаний, в том числе таких «жизненных» и вполне естественных, как собственная квартира, дом, хорошие дети, хорошее здоровье.

При этом практически все население, за исключением 12–15 % самых благополучных, не уверено в возможности воплощения мечты жить «не считая копейки» или встретить настоящую любовь. Лишь верхние слои населения страны отличаются уверенностью в реализации практически всех своих мечтаний, что ставит их в качественно иное социально-экономическое положение, чем остальных россиян. Однако, несмотря на это, даже наиболее благополучная часть наших сограждан недовольна той моделью общества, которая сложилась сей-

час в России, а значительная их часть (практически такая же, как и в других социальных слоях) включает в число *трех главных* своих *мечтаний жизнь в разумно и справедливо устроенном обществе*. Особенно сильно выражено это желание в составе благополучной части населения старше 30 лет. Это означает следующее: хотя жизнь россиян за последнее десятилетие в материальном плане улучшилась, их представления о нынешнем устройстве общества, в котором от усилий самого человека мало что зависит, а главную роль играет наличие нужных связей и везение, не изменились в лучшую сторону. Можно даже говорить о нарастании разрыва между собственными усилиями людей и материальными результатами этих усилий, по крайней мере, в массовом восприятии населения. Вот почему россияне настроены скептически относительно возможностей реализации жизненной мечты и в целом недовольны обществом, в котором они живут, считая его несправедливым и «неправильным».

Вывод десятый. «Русская мечта», а собственно и русский цивилизационный *проект* имеют личностную, эмоциональную значимость в условиях особой роли макроидентичностей в жизни наших сограждан. Одна из таких идентичностей – идентичность с россиянами, предполагающая отождествление себя со страной и ее народом. Такая идентичность к настоящему времени глубоко укоренилась и получила широкое распространение в сознании населения, хотя и находится как бы в «спящем», латентном состоянии.

В то же время ощущение *личностной связи с Россией постепенно утрачивается*. Это связано с нарастанием отчуждения и атомизации в российском обществе и его несоответствием тем идеалам справедливости, которые характерны для русской культуры и являются консенсусными для всех слоев населения. В подобных условиях «органическая солидарность», ощущение своего неразделимого единства с общностью людей, живущих на территории России и разделяющих нормы и ценности в рамках единой культуры, начинает замещаться чувством формальной связи с Российской Федерацией, ощущением себя просто гражданином определенного государства.

С одной стороны, это позитивная тенденция, отражающая процессы социально-политической и социокультурной модернизации и формирования в стране гражданской нации. Однако с другой стороны, надо иметь в виду, что развитие этих позитивных процессов неизбежно ведет к изменению «русской мечты», к «растворению в ней»

компонента, относящегося к обществу. Этот компонент из «мечты» может превратиться в набор инструментальных целей, которые в зависимости от личной ситуации будут в большей или меньшей степени волновать россиян. Развитие подобной тенденции может привести к изменению психологического механизма формирования идентичностей россиян в целом, что повлечет за собой массу следствий – от утраты готовности переносить без жестких протестов личные проблемы в ходе новых вероятных экономических кризисов до отказа «отдать долг стране» службой в армии.

Отмеченная тенденция очень опасна. В условиях отсутствия альтернативных эмоционально значимых для россиян интеграторов, тенденция разрушения «органической солидарности» может начать работать «на раскол» российского общества. Хотя говорить о таком расколе преждевременно, но уже появились основания утверждать, что назревающее недовольство внутренне гетерогенно и эта гетерогенность скорее всего будет со временем увеличиваться.

Вывод одиннадцатый. Национальную мечту никоим образом не следует рассматривать как некую социально-психологическую константу, заданную на все времена. По мере изменения условий жизни одна мечта замещается другой, подобно тому как это происходит у конкретных людей с их личными стремлениями и желаниями. При этом обычно наблюдается сложная интерференция идей и идеалов, в ходе которой складываются новые смысловые доминанты и формируются образы будущего, воодушевляющие миллионы людей. В этом отношении *«русская мечта»* выделяется своим динамизмом. На протяжении последних 100–150 лет она не раз меняла свою контуры и наполнялась новым содержанием, но при всех модификациях продолжала существовать как *мечта о правде-справедливости*. Но к началу 1970-х гг. подобная мечтательность оттесняется на задний план новой, альтернативной прежним, *коллективной мечтой, связанной с социальным запросом на формирование «общества потребления»*. Составной частью этой мечты о «потребительском рае» (не связанной, в отличие от веры в грядущую победу коммунизма, с идеей социальной справедливости) стала своеобразная идеализация Запада, стремление сблизиться с ним вплоть до обретения некой единой идентичности. Вместе с тем, по мере массового прозрения стало приходить и понимание, что Запад – это не только бытовой комфорт и демократические ценности, но и определенный взгляд на вещи, кото-

рый в свете российского опыта часто кажется поверхностным и неискренним. Вообще западную идентичность можно представить как некую *коллективную мечту*, которая в настоящее время существует в двух основных конкурирующих вариантах – *европейском и американском*. Американская мечта – это мечта об индивидуальном материальном успехе; в конечном счете, она сводится к тому, что любой энергичный и «ответственный» индивид может преуспеть, если будет много работать и проявлять изобретательность, рассчитывая при этом исключительно на самого себя. Если американская мечта вырастала на почве культа индивидуализма, то мечта, воплотившаяся ныне в проекте Единой Европы, носит солидаристский характер и основана на специфической модели позитивного взаимодействия человека с другими людьми и природой. Европейские идеалы для многих россиян весьма привлекательны. Однако и они вряд ли полностью совпадают с устремлениями и надеждами наших сограждан. Прежде всего, речь идет о том, что в России довольно низок потенциал солидарности, которая играет важную роль в реализации европейского исторического проекта. Если идея служения государству и обществу в целом достаточно популярна, то реальный альтруизм и готовность к личным жертвам, тем более ради отдельных людей только из чувства солидарности, отнюдь не является нормой национального сознания.

Вывод двенадцатый. «Русская мечта» принципиально расходится с установками западной культуры в понимании свободы. И связано это с тем, что свобода – одна из главных российских ценностей. Свыше 2/3 опрошенных считают, что свобода – это то, без чего жизнь теряет свой смысл. Только треть соглашается со второстепенностью свободы, ставят материальное благополучие выше нее. Мечта о свободе, несомненно, воодушевляет россиян: данный социологический факт с небольшими статистическими отклонениями повторяется от исследования к исследованию на протяжении почти двух десятилетий. Однако, как показывают результаты неоднократно проводившихся опросов, быть свободным для человека русской культуры – совсем не то же, что для американца, немца или француза. *Свобода в русском ее понимании* – это не возможность реализации определенных прав (соотнесенных в то же время и с известными обязанностями), а возможность «быть самому себе хозяином». То есть это пресловутая русская «воля», которая может выражать себя в самых разных, но всегда предполагающих энергетическую разрядку,

формах. Россияне в этом постоянном поиске точки приложения энергии в чем-то сродни американцам.

В целом, результаты проведенного исследования указывают на то, что в современном сознании российского народа совершенно определено имеются все те компоненты, из которых «синтезировалась» русская мечта в прошлом. Это идея государства как «общего дела», приоритет социальных прав над политическими, сильно выраженное чувство справедливости, приверженность социальному равенству и, наконец, понимание свободы как «воли». В совокупности все это и есть каркас, несущая конструкция современной общенациональной русской мечты. А в сущности – то поле, где формируется и функционирует общенациональная идея.

Е. В. Грунт

«ЗАКОНОПОСЛУШНЫЙ ГРАЖДАНИН» В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА

Состояние неустойчивости, переходности, кризисности общественного развития в современной России меняет формы и механизмы социализации молодых людей. В этих условиях остро встает вопрос об исполнении законов, о действиях личности в рамках существующих в обществе законов. С другой стороны, построение в стране правового государства характеризуется изменением места и роли права в жизни человека, независимо от его принадлежности к социально-профессиональной группе.

Студенты – самая образованная часть молодежи, из которой будет пополняться интеллектуальная элита общества. В этом плане особый интерес вызывает анализ представлений студентов о том, кого можно рассматривать законопослушным гражданином.

Анализ состояния законопослушности и отношение к праву в среде российского студенчества имеет практическое значение для разработки механизмов и программ приведения их правовой культуры в соответствие с требованиями формирующегося правового государства.

В 2011 г. нами проведено социологическое исследование в вузах Челябинской области. В исследовании участвовало 600 студентов в соответствии с квотной выборкой. Челябинск является типичным для России городом-миллионером, где сосредоточены крупные вузы, в